

УДК 821.161.1:82-14:[82-343]

ЕКАТЕРИНА ПАЛИЙ

(Полтава)

**ИСТОРИЧЕСКИЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ
ОБРАЗЫ В ЛИРИКЕ В. БРЮСОВА****Ключові слова:** лірика, ода, міфологізм, історизм, російський символізм, образ, мотив.

В современном литературоведении не существует единого мнения об особенностях стиля поэзии В. Брюсова. На сегодняшний день остается много спорных вопросов, касающихся его творчества. Так, до сих пор дискуссионными являются проблемы, связанные с историко-мифологической основой лирики В. Брюсова. Проблема художественного синтеза в творчестве писателя становилась объектом внимания многих ученых: К.В. Айвазяна [1], П.Н. Беркова [2], Н.С. Бурлакова [8], В.Е. Ковского [9], Э.С. Литвина [10]. Однако в полной мере этот вопрос еще не решен в литературоведении. В этой связи возникла необходимость глубоко и системно исследовать исторические и мифологические образы в лирическом наследии В. Брюсова. Это обусловило актуальность данной статьи.

На всем протяжении своего творчества, создающего как бы гигантское «колесо обозрения» прошедших веков и разных культур, В. Брюсов выступает во множестве ролей, объединенных общей сверхзадачей. То он – актер, примеряющий на себя маски мифологических героев (Орфей, Эвридика, Тезей, Ахиллес), реальных исторических лиц (Клеопатра, Антоний), вымышленных персонажей древности: «И вот – я лежу в полусне // На мху первобытного бора...», «Я жалкий раб царя, и жребий мой безвестен...», «Нас немного осталось от грозного племени...». То «очарованный» путешественник по «саду» времен, где развешаны «фонарики» столетий, вспыхивающие огнями Ассирии, Рима, Египта, Индии. То он является на римский Форум, блуждает по аду вслед за Данте, встречается с «Рембрандтовой Саскией». То любит «маленькой Европой», где каждый камень дышит историей. То ощущает свою память «растущей», многоярусной башней. То борется с пролеткультовским искушением, возникшим после 1917 года, – отбросить «мертвый хлам изжитых столетий», и преодолевает его излюбленной идеей «звеньев в цепи» [9, с. 82-83].

Особенностью художественного мышления В. Брюсова, резко отличающей его от декадентов, было органически свойственное ему чувство истории, пафос проникновения в смысл деяний человечества, стремление понять закономерности смен культур, охватить человеческую историю в целом. Свидетельством этого интереса к далекому прошлому являются не только написанные В. Брюсовым стихотворения («Любимцы века»), не только его исторические романы, но и не до конца осуществленные грандиозные замыслы, оставшиеся в рукописях.

К.В. Айвазян отмечал, что исторические образы у В. Брюсова тесно связаны с его исканиями героических характеров, ярких страстей, насыщенных глубоко-

ким содержанием жизни. Они противопоставлены «повседневности», в которой поэт не видел еще революционных сил [1, с. 4].

Особенностью поэзии В. Брюсова 1900-х годов было привлечение исторических имен и событий для создания героических образов, противопоставленных обывательской, мещанской современности. Один за другим следовали циклы «Любимцы веков» (книга «Tertia Vigilia» (1898-1901)); цикл «Баллады» (книга «Urbi et Orbi» (1901-1903)); цикл «Правда вечная кумиров» (книга Stephanos (1904-1905)); цикл «Властительные тени» (книга «Зеркало теней» (1909-1912)). Мифологические ситуации лежат в основе стихотворений «Нить Ариадны» (1902), «Фаэтон» (1905) и многих других. Скупю рисуя исторический фон, В. Брюсов на материале истории либо мифологии ставил вполне актуальные проблемы борьбы страсти и долга, отношений между вождем и массами, конфликта гения со своими современниками. Целая галерея великих поэтов (Данте, Вергилий), полководцев (Александр Македонский, Марк Антоний, Наполеон), полубогатых властелинов (Ассаргадон, Клеопатра) оживает в исторических аллегориях В. Брюсова.

Э.С. Литвин обращает внимание на то, что образы носителей могучей страсти, гениальных провидцев, бессмертных творцов служили, прежде всего, живым укором духовно измельчавшей, торгашеской, буржуазной современности. Кроме того, они воплощали мысли и чувства самого автора. Иногда В. Брюсов прямо перебрасывал такой «мостик» от «вечных кумиров» к самому себе («Антоний», 1905):

*О, дай мне жребий тот же вынуть,
И в час, когда не кончен бой,
Как беглецу, корабль свой кинуть
Вслед за египетской кормой! [1, с. 393]*

В трактовке персонажей, в противопоставлении одинокого величественного героя серой, безликой толпе (образы Суллы, Моисея, Ассаргадона) порой проявлялись как отпечаток характера самого В. Брюсова, так и воздействие на него символистской эстетики [10, с. 489]. Границы поэтического мира прошлого, воссозданного В. Брюсовым, очень широки. Он воскрешал и культуру древнего Востока, и мифы Эллады, и скандинавский эпос. Но всегда особенно привлекал его контраст между высоким уровнем цивилизации и неизбежно наступившим упадком императорского Рима. Интерес к античности, причем именно к эпохе гибели античного мира, разделяли с В. Брюсовым многие его современники – Д. Мережковский, Вяч. Иванов, А. Кондратьев. И это не случайно, поскольку подобную аналогию подсказывал назревавший кризис буржуазно-дворянского уклада в России. Но в поисках закономерностей истории В. Брюсов шел своим особым путем, его привлекала не мистическая и религиозная сторона античной культуры, а ее героические идеалы [10, с. 490]. В его творчестве ощущается пафос истории, мысль о движении человечества вперед, через все катастрофы веков.

Уже в «Tertia Vigilia» (1898–1901), первом сборнике, снискавшем В. Брюсову читательское признание, находится цикл «Любимцы веков», в котором

поэт создал ряд образов, взятых из истории культуры разных эпох и народов. П.Н. Берков подчеркивает, что каждое стихотворение данного цикла представляет характеристику «любимца» какого-то определенного «века» или ряда «веков», расположенных в хронологической последовательности: скифы, ассирийцы, халдеи, иудеи, египтяне, греки, римляне, эллинистический Египет, норманны, итальянцы, кельты, испанцы, турки, русские [2, с. 23]. В дальнейшем развитии раннего замысла «Tertia Vigilia» (1898–1901) явились циклы «Баллады» (в «Urbi et Orbi» (1901–1903)) и «Правда вечная кумиров» («в Stephanos» (1904–1905) и во «Всех напевах» (1906–1909)). Если в «Любимцах веков» в «Tertia Vigilia» (1898–1901) основной замысел поэта, как можно предполагать, заключался в том, чтобы наметить наиболее характерные, в тогдашнем понимании В. Брюсова, моменты мировой истории, то в «Балладах» из «Urbi et Orbi» (1901–1903) и в первом цикле «Правда вечная кумиров» (в «Stephanos» (1904–1905)) прослеживается идея неизменности извечного постоянства страсти, одинаковой для рабов и для рабынь, и для помпеянок, и для Антония и Клеопатры, и Адама и Евы, и для северного Локки, и для героев греческих мифов [2, с. 23-24].

Поэт с презрением отрицает вялую, бестрепетную современность и романтически противопоставляет ей скифскую силу и деяния героических личностей древнего Рима, Ассирии, Египта, Вавилона, овеванных легендами; неустанных завоевателей, которых сам бог едва ли мог лишить венца. Название сборника «Третья стража» (1898–1901) взято из истории Рима. Третьей стражей римляне называли воинов, заступавших на караул в конце ночи, на рассвете. Эти воины, охранявшие дворцы римских императоров, были эталоном мужества и благородной самоотверженности [8].

Лучшая часть книги – большой цикл стихотворений «Любимцы веков» (книга «Tertia Vigilia» (1898–1901)). Чтобы отразить силу героев давно прошедших веков, поэт заставляет их говорить о самих себе и своих деяниях.

В чеканных монологах брюсовские «сверхличности» с большой страстью и волнением рассказывают о своих военных подвигах и походах, о философской мудрости и личных качествах. В Брюсову важна апология сверхидеальной личности, нужен герой как воплощение сказочной силы и беспредельной дерзости, соперник бога на земле, преобразователь человеческих судеб. Создавая такой романтически-возвышенный образ в упрек «испуганным векам», Брюсов не считался со многими фактами истории. Она была лишь трамплином, с которого он уносился в романтическую высь. Ассаргадон восклицает в своем страстном монологе:

*Я вождь земных царей и царь – Ассаргадон...
Кто превзойдет меня? Кто будет равен мне?
Деянья всех людей – как тень в безумном сне,
Мечта о подвигах – как детская забава.
Я исчерпал до дня тебя, земная слава!
И вот стою один, величьем упоен,
Я, вождь земных царей и царь – Ассаргадон [1, с. 144].*

В действительности же такого героя не было. Ассаргадон (по-сирийски Ашшурахиддин) был царем Ассирии одиннадцать лет (680–669 годы до н. э.) и вступил на престол не потому, что обладал качествами сверхчеловека, а в результате гражданской войны. Как все цари, он искал поддержку, опирался на жреческую партию; во время его царствования отдельные города-царства (Мидия) отказывались служить ему.

Поэт не ставил своей целью изобразить эпоху, личность живого человека или государственного деятеля прошлого. Изображение таких исторических личностей, как Ассаргадон, Соломон, Рамзесы (I, II, IV), Александр Македонский и других, такими, какими они были на самом деле, привело бы к противоположному результату: вместо приподнятой романтической трактовки личности получился бы образ самодержца, тирана, которых отвергал В. Брюсов.

Создавая образ царя Соломона в одноименном стихотворении, поэт пренебрег фактами истории и взял за основу изображения средневековые легенды, в которых израильско-иудейскому царю Шеломо (960–935 годы до н. э.) приписывались качества премудрого, справедливого царя, повелителя духов, обаятельного человека. Поэту надо было оживить мертвую среду, которую он знал, в которой постоянно вращался и тосковал о великих свершениях. Для этой цели совсем и не следовало показывать реального Соломона – одного из идеологов и создателей древнееврейского рабовладельческого государства.

Образы великих личностей у В. Брюсова – символы, но не лишённые некоторых реальных черт. Если Ассаргадон диктатор, то Соломон – пророк, мудрец, способный быть правдивым судьей между дьяволом и богом:

*Я сын греха, но полн, – как кубок мой вином, –
Безмерной мудростью, вещаю правду с трона;
И дьявол выбрал бы меж ним и божеством
Судьей Соломона.
Я царь среди царей, среди певцов певец,
Владыка, – страшен я, слагатель песен, – сладок.
Я славой ужасну и увлеку, как жрец,
В немую тьму загадок [7, с. 14].*

Создавая образы великих, сверхмогучих личностей, В. Брюсов возродил одический стиль эпохи русского классицизма XVIII века. В Брюсову нужен был образец титанизма, символ величия человека, безупречного героя. И как нельзя лучше этим задачам отвечал величайший полководец древности Александр Македонский, завоевавший Персию и Египет, проникший в Индию, при жизни провозглашённый царем и сыном бога, притязателем на мировое господство. В основу сюжета стихотворения «Александр Великий» (1899) положен реальный случай – бунт македонской армии, ее отказ воевать. Придя на солдатскую сходку, Александр обратился к мятежникам с речью, в которой упрекал их в неблагодарности и перечислял все воинские доблести фаланги, созданной еще его отцом. Монолог Александра, обращенный к воинам, и составляет большую часть стихотворения:

*Так воззвал к ним: «Вы забыли, как вы были, что теперь!
Как стада, в полях бродили, в чашу прятались, как зверь,
Создана отцом фаланга, вашу мощь открыл вам он;
Вы со мной прошли до Ганга, в Сарды, в Сузы, в Вавилон [1, с. 149].*

В. Брюсов восторгался героем-полководцем как божеством, сравнивая его с солнцем, ослепившим войско. На другое утро после выступления полководца перед фалангой все солдаты пали ниц «во прах», моля Александра не оставлять их.

«Любимцы веков» («Tertia Vigilia» (1898–1901)), как считает поэт, оказывают прямое воздействие на судьбы народов, на историю и активизируют современность.

*По бездорожьям царственной пустыни,
Изнемогая жаждой, я блуждал.
Лежал песок за валом вал,
Сияли небеса, безжалостны и сини... [1, с.149].*

Так пишет Брюсов в стихотворении «Рамсес» (1899). И когда повествователь, искатель следов героических далеких предков, изможденный усталостью, повергся на каменный помост и, прочтя иероглифы, не поверил в величие Рамсеса и стал его проклинать, тут явился сам Рамсес и вернул рассказчику утраченные силы. Все внимание поэт сосредоточил на изображении магической силы воздействия героя на «негероя», не уточнив даже, о каком фараоне Рамсесе идет речь. А их было три.

«Любимцы веков» – полководцы, завоеватели, покорители царств и «цари царей» изображены В. Брюсовым в одическом стиле однопланово, как установлено традицией классицизма. Выбирается одна ведущая черта исторической личности и возводится в абсолют. Основу образа такой великой личности составляет ее историческая заслуга или прочно утвердившаяся в веках библейская легенда. Но не менее великими В. Брюсов считал и такие личности, вошедшие в историю или мифологию, которые не сотворили подвигов на ратном поле или в делах мирного правления государством, но отличались исключительной страстностью натур и в силу этого тоже были абсолютизированы поэтом, возведены им в обобщенный символ любовной страсти (Дон Жуан, Антоний, Клеопатра). Дон Жуану В. Брюсов воздает хвалу за его ненасытную страстность природы, которая постоянно толкает Дон Жуана к познанию для себя нового, ранее неизвестного и неизведанного. В стихотворении «Дон Жуан» (1900) герой так характеризует себя:

*Да, я – моряк! искатель островов.
Скиталец дерзкий в неоглядном море.
Я жажду новых стран, иных цветов,
Наречий странных, чуждых плоскогорий.
...В любви душа вскрывается до дна,*

*Яснеет в ней святая глубина,
Где все единственно и неслучайно.
Да! я гублю! пью жизни, как вампир!
Но каждая душа – то новый мир
И манит вновь своей безвестной тайной [1, с. 158].*

По мнению Н.С. Бурлакова, «для поэта главная ценность в образе Дон Жуана – это неутомимое активное стремление к познанию жизни в самом широком значении этого слова. Дон Жуан – один из любимых героев Брюсова, хочет познать новые страны, языки, моря, океаны и человеческие сердца» [8].

Людей большой страстности, неукротимости в своих желаниях, действующих без оглядки, отдающих себя в полную власть больших чувств, В. Брюсов ставил выше людей, выделяющихся на государственном, историческом поприще. Примечательно в этом плане стихотворение «Антоний», написанное в апреле 1905 года. Сюжет его связан с событиями Римской империи 40–30 годов до н. э. и, в частности, с приключениями одного из триумвиров, разделивших управление Римской империи после смерти Цезаря. Антоний влюбился в египетскую царицу Клеопатру так страстно, что в момент битвы бросил свой флот и войска и погнался за Клеопатрой, отступавшей со своими кораблями под натиском римского войска. Любовная страсть Антония оказалась выше решающей битвы за мировое господство:

*Боролись за народ трибуны
И императоры – за власть,
Но ты, прекрасный, вечно юный,
Один алтарь поставил – страсть!
Победный лавр, и скиптр вселенной,
И ратей пролитую кровь
Ты бросил на весы, надменный, –
И перевесила любовь! [1, с. 392-393]*

«Когда вершились судьбы мира», Антоний променял на поцелуй «венец и пурпур триумвира». Поэт воспеваеет римского героя, проецируя его судьбу на свою жизнь:

*О, дай мне жребий тот же вынуть,
И в час, когда не кончен бой,
Как беглецу, корабль свой кинуть
Вслед за египетской кормой! [1, с. 392-393]*

Среди «любимцев веков» видное место занимает образ Наполеона. Но одический стиль В. Брюсова ослабляется, как только он начинает писать о нем:

*Да, на дороге поколений,
На пыли расточенных лет,
Твоих шагов, твоих движений
Остался неизменный след [1, с. 160-161].*

Знаменитый полководец оставил свой след в истории. Но «шаг Наполеона землю тяготил», – говорил поэт. В чем же вина императора французов? В. Брюсов усматривал в «деяниях» Наполеона разрушение европейской культуры, уничтожение ценностей, созданных человеческим интеллектом и трудом на протяжении многих веков:

*Что строилось трудом суровым,
Вставало медленно в веках,
Ты сокрушил случайным словом,
Движеньем повергал во прах.*

Завоеватель шел «сквозь мир, круша, дробя»...

*И стало, наконец, вселенной
Невозмогу носить тебя.
Землядохнула полной грудью,
И ты, как лист в дыханьи гроз,
Взвился, и полетел к безлюдью,
И пал, бессильный, на утес... [1, с. 160-161]*

Самая сильная и страшная казнь, по народным преданиям, – это когда сама земля сбросит супостата. Земля оттолкнула от себя Наполеона за преступления против человеческих творений, за разруху, за то, что в «мировое самовластье» он играл легко, как игрок, не задумываясь о последствиях своих деяний.

В. Брюсов начала 1900-х годов оставался верен своей концепции одностороннего изображения исторической личности и потому, ставя перед собой иную цель, не определяя места Наполеона в истории, не отметил в его деятельности никаких прогрессивных начинаний, вынес ему суровый приговор [8].

По мнению П.Н. Беркова, «совсем другой замысел лег в основу второго цикла «Правда вечная кумиров» (книга «Все напевы» (1906–1909)). Здесь обращает на себя внимание то, что циклу предпослано знаменитое программное стихотворение Брюсова «Хвала человеку» («Молодой моряк вселенной...»), бодрое, жизнеутверждающее, оптимистическое, хотя и содержащее указание на противоречия в активной деятельности человека-завоевателя («...множишь тысячи коварств», «...чтоб еще над новой выей Петлю рабства захлестнуть») [2, с. 25].

В «Хвале человеку» В. Брюсов совершенно обходит молчанием тему любовной страсти. Для него в этой оде человек – «неуклонный, неизменный», и это проявляется в том, что человек «вечно властен, вечно молод». И именно эти черты находит В. Брюсов у героев стихотворений второго цикла «Правда вечная

кумиров» (книга «Все напевы» (1906–1909)), которые либо сочетают наслаждения любви с творческой активностью, либо полностью преодолевают чары страсти и, «исторгнув помыслы любви», идут на предназначенный судьбою исторический подвиг.

В «Зеркале теней» (1909–1912) В. Брюсов вновь обращается к «Любимцам веков», снова вызывает тени великих личностей Моисея и Александра. Цикл пополняется образами Суллы, Клитемнестры и Фауста. Каждый раз В. Брюсов находит новые черты у своего любимого героя – библейского пророка Моисея. Если в «Третьей страже» (1898–1901) была спета ода в честь сверхчеловека Моисея, то теперь В. Брюсов уже более хладнокровно, двойственно рисует его фигуру. Хотя он и называет его пророком, вождем, полубогом, законодателем, однако в делах пророка и вождя видит «противоречивый клуб». Моисей «боролся со своим народом», «народ пастуший и бездомный, толпу, бродящую в песках», он обрек на нищету и бесприютные кочевья. Образ Моисея как бы отражает эволюцию В. Брюсова от романтических абстракций к более точной характеристике личности [8].

Еще более значительным в этом плане представляется осмысление В. Брюсовым дел и личности прославленного завоевателя «полмира» Александра Македонского. В стихотворении «Смерть Александра» (1911), которое изобилует именами и географическими названиями из греческой и македонской истории, великий полководец представлен на смертном одре. Перед умирающим проходят призраки. Они произносят клятвы, прославляют его подвиги, но перед ними уже труп. Все героическое в прошлом. Оно стало достоянием лишь истории, а будущее пойдет по иным путям. В подтексте стихотворения сквозит мысль о недолговечности завоеваний Александра Великого: «В прошлом ярость, в прошлом слава, впереди туман и мгла» [6, с. 73].

Таким образом, с конца XIX века со сборника «Tertia Vigilia» (1898–1901) В. Брюсов неизменно разрабатывал исторические и национальные образы, группируя их в циклы «Любимцы веков», «Баллады», «Правда вечная кумиров», «Властительные тени». В «Третьей страже» (1898–1901) перед читателями предстают древняя Ассирия, Двуречье, Египет, Греция, Рим, европейское средневековье и Возрождение, первые века отечественной истории и относительно близкое по времени событие – наполеоновская эпопея. Под пером поэта возникают и реальные исторические лица, и герои мифов, безымянные персонажи разных эпох, которые должны отразить характерные черты своего времени. Но брюсовские стихотворения меньше всего напоминают «реконструкцию прошлого»: стремление поэта вовсе не в том, чтобы рисовать картины на исторические темы. В них ощутимо бьется пульс современности. Именно поэтому нередко трактовка исторических и мифологических образов у В. Брюсова несет на себе отпечаток трагизма, катастрофичности, что соответствовало духу переходной эпохи на рубеже веков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Айвазян К. В. Выдающийся поэт и ученый, большой друг армянского народа / К. В. Айвазян // Брюсовские чтения 1962–1963 года : материалы / Пед. ин-т им. В. Я. Брюсова. – Ереван, 1962–1963. – С. 4–5.
2. Берков П. Н. Проблема национальной культуры в понимании В. Я. Брюсова / П. Н. Берков // Брюсовские чтения 1966 года [ред.-сост. К. В. Айвазян]. – Ереван, 1968. – С. 23–31.
3. Брюсов В. Я. Армения в поэзии Брюсова / В. Я. Брюсов ; [пред. проф. О. Т. Ганалаян]. – Ереван : Айстан, 1966. – 41 с.
4. Брюсов В. Я. Дневники / В. Я. Брюсов. – М., 1927. – С. 29; 33.
5. Брюсов В. Я. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1 : Стихотворения. Поэмы 1892–1909 / В. Я. Брюсов. – М. : Худож. лит-ра, 1973. – 672 с.
6. Брюсов В. Я. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 2 : Стихотворения. Поэмы 1892–1909 / В. Я. Брюсов. – М. : Худож. лит-ра, 1973. – 496 с.
7. Брюсов В. Я. «Tertia Vigilia» / В. Я. Брюсов. – М. : Гослитиздат, 1990.
8. Бурлаков Н. С. Валерий Брюсов : очерк творчества / Н. С. Бурлаков. – М. : Просвещение, 1975. – 240 с.
9. Ковский В. Е. Реалисты и романтики : из творческого опыта рус. сов. классики / В. Е. Ковский. – М. : Худож. лит-ра, 1990. – 381 с.
10. Литвин Э. С. В. Брюсов / Э. С. Литвин // История русской литературы : в 4 т. / ред. К. Д. Муратова. – М., 1983. – Т. 4 : Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917). – С. 489–490.

ЕКАТЕРИНА ПАЛИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ЛИРИКЕ В. БРЮСОВА

Статья посвящена исследованию особенностей образной системы в лирическом наследии В. Брюсова. Особое внимание уделяется историческим и мифологическим персонажам, которым поэт дает современную трактовку. Прослеживается влияние историко-литературного контекста на создание образов персонажей писателя, а также определяются художественные доминанты образов В. Брюсова в его сборниках и циклах разных лет.

Ключевые слова: лирика, ода, мифологизм, историзм, русский символизм, образ, мотив.

EKATERINA PALIY

HISTORICAL AND MYTHOLOGICAL IMAGES IN BRYUSOV'S POETIC HERITAGE

The article is devoted to the study of peculiarities of the image system in Bryusov's poetic heritage. Special attention is paid to the historical and mythological characters, which the poet gives the modern interpretation. We observe the influence of the historical and literary context for creating images of the characters of the writer.

Key words: lyrics, ode, mifologizm, historicism, Russian symbolism, image, motive.

Одержано 25.09.2013 р.